

— Это и есть дом учителя?

Они стояли посреди настоящего столичного сыхэюаня — просторного, обнесенного по периметру вековыми стенами под серой черепичной крышей. Место выглядело внушительно и благородно, но дышало щемящим уединением, если не сказать одиночеством.

— Да, ремонт тут закончили совсем недавно, — отозвался Су Хэвэн. — Учитель — врач на государственной службе, так что несколько дней в месяц ему приходится вести прием в больнице, от этого не отвертеться. Но все остальное время он проводит здесь. Тут у него и кабинет, и лаборатория для приготовления лекарств. Со временем сами все увидите. Вы небось с дороги измотались, идите сначала умойтесь, сразу полегчает.

Поблагодарив старшего соученика, гости поспешили привести себя в порядок. Гоудань терпеливо объяснял отцу, Лао Сы, как пользоваться диковинными удобствами в ванной. Снаружи усадьба казалась старинным памятником архитектуры с резными колоннами и изогнутыми карнизами, однако внутри все было перестроено на современный лад — со всеми удобствами столичной жизни.

В столице многие семьи ютились в старых сыхэюанях по несколько хозяйств сразу, толкаясь на общих кухнях и терпя вечные бытовые неудобства. Но здесь все обстояло иначе: усадьба была огромной и принадлежала исключительно доктору Циню. Хозяин волен был обустраивать свои владения как душе угодно.

Когда умытые и посвежевшие гости вышли в столовую, на столе их уже ждала горячая рисовая каша, пышные паровые маньтоу и хрустящие соленья.

— Перекусите пока, — радушно предложил Су Хэвэн.

— Старший брат Су, ты и готовить умеешь? — удивился Гоудань.

— А то как же! — самодовольно хмыкнул тот. — Хотя конкретно это — покупное.

Вообще, доктор Цинь вполне мог позволить себе нанять прислугу, но терпеть не мог, когда в его доме мелькали посторонние лица. Обычно еду готовил он сам. Вот только ни у наставника, ни у его старшего ученика кулинарного таланта не водилось от слова «совсем». Блюда у них выходили вполне съедобными, но совершенно безвкусными.

Доктор Цинь подходил к кулинарии как к составлению сложнейшего рецепта — педантично, строго по весам. Каждый ингредиент взвешивался на аптекарских весах, специи отмерялись до грамма, а время варки засекалось по секундомеру. Но, вопреки аптекарской точности, получалась какая-то пресная размазня. Больше всего наставника вгоняли в ступор туманные

указания в кулинарных книгах вроде «щепотка соли» или «капля масла». Тут его хваленая математическая строгость давала сбой.

Быстро умяв завтрак, гости почувствовали, как дорожная усталость окончательно отступает. Старший брат Су провел для них небольшую экскурсию по усадьбе: показал, где какие комнаты, объяснил их назначение, мимоходом предупредив, куда лучше без спросу не соваться и какие вещи не трогать.

Гоудань про себя хмыкнул.

"Точно чудной старик"

Странный наставник, чудаковатый старший соученик... Эх, несладко придется А-Сюаню. Но тот упрям — ни за что не отступится, вытерпит любые причуды.

Планировка дома была безупречной. Строения и ухоженный сад гармонично дополняли друг друга, создавая атмосферу умиротворения и покоя. Единственное — вся усадьба была насквозь пропитана густым, горьковатым ароматом лекарственных трав. Казалось, сделаешь пару вдохов — и сам запахнешь сушеной полынью и корнем солодки.

Лао Сы, человек простой и не шибко грамотный, вертел головой по сторонам, и в его груди теснился восторг, который он никак не мог облечь в слова. Не зря в народе бают, будто у подножия императорского трона и люди живут особенные, благородные. Такая красота кругом! Да здешние хоромы не то что усадьбу любого деревенского кулака затмят — здешние боги в храмах, поди, и те в меньшей роскоши почивают.

Впрочем, крестьянину, который всю жизнь провел на клочке земли, сложно было понять тонкую эстетику этого уединения. Для него предел мечтаний и высшее благо — сытый желудок да теплая одежда на зиму. О таких вещах, как «изящество быта» или «гармония пространства», он и слыхом не слыхивал.

Сильнее всех переживал Ван Сюань. Шутка ли — с минуты на минуту решится его судьба. Юноша то и дело дергал Гоуданя, проверяя, не растрепались ли волосы и не помялась ли рубаха. Тот терпеливо, раз за разом, оглядывал друга с ног до головы и осыпал похвалами, уверяя, что выглядит он просто безупречно.

— Входите, — раздался из глубины дома негромкий, но властный голос.

Все трое мгновенно подобрались и выпрямили спины. По устоявшимся правилам, Лао Сы как старший в семье должен был первым засвидетельствовать почтение хозяину дома, ведь его воспитанник пришел проситься в ученики.

Однако случай был особый. Доктор Цинь жил по собственному, строгому распорядку, да и

характер у него, поговаривали, был непростой. Гости покорно ждали во дворе, пока хозяин умоется с дороги и переоденется в домашнее платье, и лишь после приглашения переступили порог кабинета.

Лао Сы робко сжимал в руках плетеный бамбуковый короб. Стоило ему увидеть статного, преисполненного достоинства доктора Циня, как старый крестьянин окончательно оробел — пальцы задрожали, язык прилип к гортани. Кое-как заикаясь, он поздоровался и поспешно забрал у Гоуданя увесистый ящик с гостинцами, который они везли через полстраны.

— Вот... тут птица домашняя, — лепетал Лао Сы, переминаясь с ноги на ногу. — Мясо вяленое, сами коптили. И яйца соленые — А-Сюань их по нашему деревенскому рецепту выдерживал. Ребята настояли, чтобы мы привезли вам на пробу. Мальчишка сам все готовил, у него рука легкая. Мы в деревне с этими припасами по три миски риса за раз съедаем, очень уж аппетитно выходит.

Доктор Цинь проявил исключительное дружелюбие. Жестом велел Су Хэвэну забрать бамбуковый короб, он вежливо кивнул гостю:

— Благодарю за заботу. Домашние припасы — вещь замечательная, чистая, без лишней химии. С удовольствием попробую.

— Вот-вот, — закивал обрадованный Лао Сы. — Ребятня у нас прожорливая, ради них и держим птицу-то.

Увидев, что столичный лекарь не воротит нос от скромных деревенских даров, Лао Сы заметно приободрился. До поездки он жутко переживал. Слышал ведь, что городские дарят друг другу дорогие покупные наборы в расшитых шелком коробках — солидно, богато. Но Ван Сюань и Гоудань в один голос твердили: разве удивишь столичного мастера тем, что можно купить в любом универмаге? Покупать штампованную чепуху — значит выказать неуважение, а на действительно редкую и ценную вещь у них просто не хватит семейных сбережений. Куда искреннее преподнести то, во что вложен собственный труд. И ребята оказались правы.

Разговор между доктором Цинем и Лао Сы, однако, быстро зашел в тупик. Мужчины обменялись парой дежурных фраз, но общих тем у них не нашлось — слишком разные миры их окружали. Лекарь не мог рассуждать о тонкостях пульсовой диагностики, в которых крестьянин ничего не смыслил, а Лао Сы не решался докучать почтенному человеку рассказами о том, в каком месяце лучше сеять просо, как правильно прореживать всходы и когда вносить удобрения.

Они обсудили тяготы долгой дороги, после чего повисло неловкое молчание.

Тогда доктор Цинь перевел взгляд на сидевших поодаль подростков. Пока старшие беседовали, Гоудань и Ван Сюань вели себя тише воды, ниже травы — лишь поздоровались вежливо и замерли, боясь проронить лишнее слово.

Выглядел доктор Цинь примечательно: высокий, худощавый, с удивительно свежей, моложавой кожей, но при этом с абсолютно седыми, белыми как свежавыпавший снег волосами. На строгом лице залегли глубокие носогубные складки, выдававшие привычку хмуриться, однако ни старческих морщин, ни возрастной пигментации у него не было. Мальчишки никак не могли определить его возраст. В их родной деревне по лицу любого старика можно было сразу сказать, сколько зим он разменял, но здесь их чутье пасовало.

С первых минут стало ясно: перед ними человек старой закалки, любящий строгий этикет. Поэтому оба вели себя как прилежные ученики на экзамене. Даже Су Хэвэн удивленно косился на них. К поведению будущего соученика вопросов не возникало, но вот Гоудань... Старший брат Су не сводил с него глаз.

"Надо же, умеет притворяться шелковым, когда надо, — мысленно усмехнулся он. — А я-то думал, он со всеми держится как разбойник с большой дороги"

Заметив на себе внимательный взгляд наставника, ребята мгновенно вскочили на ноги, вытянувшись по струнке в ожидании указаний.

Окидывая взглядом рослых, подтянутых парней, доктор Цинь удовлетворенно кивнул.

— Так, значит, ты — Ван Сюань, а ты — Гоудань. Не перепутал старик? — на губах доктора промелькнула едва заметная теплая усмешка.

Ребята переглянулись и согласно закивали.

— У вас глаз — алмаз, уважаемый учитель! — звонко отозвался Гоудань и заговорщически подмигнул. — Если только Ван Сюань заранее не прислал вам наши портреты. Вы просто невероятный человек!

Он с самым серьезным видом поднял вверх большой палец. Доктор Цинь не выдержал и искренне, раскатисто рассмеялся.

— Тут и гадать нечего, — отсмеявшись, произнес старый лекарь. — Сердце сразу подсказало, кто из вас двоих станет моим преемником. Это, если хотите, особая связь между учителем и учеником. Да и почерк... Извини, парень, но из-под твоей руки вряд ли вышли бы те изящные, летящие строки, что я видел в письмах. Старые люди не зря говорили: почерк — это зеркало души.

Доктор Цинь смотрел не на внешность, а вглубь, улавливая внутренний склад человека. Впрочем, даже по внешнему виду Гоудань никак не походил на прилежного затворника, способного часами разбираться в свойствах сушеных корешков.

В комнате раздался дружный смех, и остатки прежней скованности мгновенно улетучились.

— Правду говорят, настоящий врач видит человека насквозь по одному лишь взгляду! — подхватил Гоудань. — Настоящий мудрец!

Су Хэвэн вежливо вторил общему смеху, но про себя уже окрестил Гоуданя первостатейным подлизой. Сам он ходил под началом учителя не первый год, и их общение всегда напоминало строгий военный рапорт. Су Хэвэн и помыслить не смел о шутках или фамильярности. А этот деревенский нахал умудрился за пару минут развеселить сурового старика до слез! Су Хэвэн впервые в жизни видел, чтобы наставник так заразительно смеялся.

"Ну и прохвост!" — подумал он с легкой завистью.

Но Гоудань не был банальным льстецом.

Как известно, лучшая похвала — та, в которой лишь треть лести, а остальное идет от чистого сердца. Парень действительно проникся уважением к старому лекарю. Увидев ухоженную усадьбу, а затем и самого хозяина, который беседовал с его простым, заикающимся от страха отцом без тени столичного высокомерия, Гоудань понял: этот человек благороден до мозга костей. Фальшь парень чуял за версту, но здесь все было искренне.

Острое, почти звериное чутье подсказало ему, что за суровой внешностью доктора Циня скрывается чуткая и ранимая душа. Именно поэтому Гоудань позволил себе легкую дерзость. Он понимал, что старик оценит искренность юности больше, чем заученные поклоны.

Успокоившись, доктор Цинь обратился к Ван Сюаню:

— Твой дядя уверял в письмах, что ты отменный кулинар. Это правда?

— Простые домашние блюда готовить умею, — скромно ответил Ван Сюань. — Дядя целыми днями пропадал на работе в поле, а мы с Гоуданем после школы были посвободнее, вот я и взял на себя заботы по дому. Так постепенно и научился. Если позволите, учитель, я с радостью приготовлю что-нибудь для вас и старшего брата Су. Надеюсь, вам понравится.

— Хорошо, — кивнул лекарь, и в его глазах блеснуло одобрение.

Он жестом пригласил ребят сесть. Разговор плавно перетек на учебу. Доктор Цинь неожиданно попросил Ван Сюаня зачитать наизусть отрывки из тех трактатов, что отправлял ему почтой несколько месяцев назад.

Гоудань напрягся. Те книги были неподъемно толстыми, написанными к тому же на трудном, витиеватом древнекитайском языке. Он невольно запереживал: вдруг А-Сюань от волнения перепутает абзацы или запнется? Что, если строгий наставник рассердится и прогонит его?

Однако Ван Сюань оставался совершенно спокоен. Он выпрямился и ровным, певучим голосом

начал декламировать текст. Доктор Цинь время от времени прерывал его, задавая каверзные вопросы на понимание сути, но юноша без малейшего замешательства отвечал и по первому знаку наставника продолжал прерванное чтение с того же слова. Какую бы книгу или главу старик ни назвал — парень цитировал наизусть целые страницы. Это было поразительно.

— Превосходно. Ты не просто зазубрил сухие строчки, ты уловил их суть, — не скрывая гордости, произнес доктор Цинь.

Его надежды оправдались: последний, «закрытый» ученик оказался не просто прилежным, но и невероятно одаренным. В лекарственном деле без искры таланта никуда. Труд важен, спору нет, но если у человека нет врожденного чутья, если он путает схожие травы, не может удержать в памяти пропорции рецептов и не способен мыслить гибко, то все его старания пойдут прахом.

— Вижу, ты не только усердно читал, но и практиковался в сборе и обработке трав. Молодец. Су Хэвэн.

— Я здесь, учитель, — отозвался старший ученик.

— Какие у вас дальнейшие планы? — доктор Цинь перевел взгляд на Ван Сюаня и его спутников.

Переглянувшись с отцом и другом, Ван Сюань подробно изложил их задумку и назвал дату, когда им нужно явиться в учебное заведение для регистрации.

Доктор Цинь полистал настольный календарь, что-то прикидывая в уме.

— Через неделю будет благоприятный день. Су Хэвэн, свяжись со своими старшими братьями и сестрами по обучению. Сообщи им, что я беру своего последнего преемника-затворника.

Повернувшись к Лао Сы, старик мягко спросил:

— Что скажешь, почтенный брат?

Лао Сы только руками заплескал — какие тут могли быть возражения? Такой великий человек согласен учить деревенского сироту! Это же благословение небес, не иначе.

Су Хэвэн почтительно поклонился учителю, после чего повернулся к Ван Сюаню и с улыбкой поздравил его. Тот смущенно потер затылок:

— Надеюсь на твою поддержку и наставления, старший брат.

— Обязательно, — важно кивнул Су Хэвэн. Возраст и статус «старшего брата» грели его душу.

Только теперь Лао Сы и ребята облегченно выдохнули. Одно дело — переписка, и совсем другое — когда мастер при личной встрече подтвердил свое согласие. С плеч словно гора свалилась.

Когда все формальности были улажены, напряжение окончательно растаяло. Беседа потекла легко и непринужденно. По старым деревенским понятиям Лао Сы, наставник сына — это не просто учитель, а почти близкий родственник, с которым делят и радость, и невзгоды.

Такая связь в корне отличалась от обычных школьных уроков. Становясь личным учеником, Ван Сюань принимал на себя долг почитать доктора Циня как родного отца, заботиться о нем в старости и проводить в последний путь со всеми сыновними почестями.

Церемония посвящения в ученики — дело священное. Конечно, в бурные последние годы древние обряды подзабылись, и многие теперь ограничивались скромным подарком да земным поклоном.

Но доктор Цинь принадлежал к поколению, свято чтившему традиции предков. К тому же Ван Сюань становился его последним преемником. Прежде сотни почтенных семей умоляли мастера взять их отпрысков на обучение, но старик всем отказывал, ссылаясь на преклонные лета. И лишь для талантливого мальчика из далекой деревни он сделал исключение.

Еще во время их переписки доктор Цинь не мог устоять перед пытливым умом и искренним рвением юноши. Парень в письмах робко величал его учителем, и старик не поправлял его. А теперь, увидев преемника воочию, убедился: он не прогадал.

Подготовка к ритуалу требовала соблюдения множества тонкостей. Семья Ли, не знавшая столичных порядков, то и дело расспрашивала Су Хэвэна о нужных подношениях и церемониях. Тот, сомневаясь в некоторых деталях, созванивался со старшими учениками, уже ставшими известными врачами, чтобы все организовать безупречно.

Лао Сы с ребятами взялись за дело с деревенским усердием. Хотя они и гостили в усадьбе доктора, все расходы на покупку обрядовых принадлежностей принципиально взяли на себя. Требовать денег у будущего наставника было бы верхом неблагодарности, да и средств у семьи Ли теперь хватало.

Дни до церемонии побежали один за другим. Когда доктор Цинь разбирал сложные случаи со старшим учеником, Ван Сюань сидел рядом и ловил каждое слово. Гоудань тоже иногда устраивался в углу, но быстро начинал клевать носом от скуки. У него были другие заботы: он взял на себя закупку продуктов на рынке, а Ван Сюань колдовал на кухне.

Лао Сы тоже не мог сидеть сложа руки. Узнав у хозяина, что землю в саду трогать не возбраняется, он купил на рынке прочную мотыгу, до блеска вычистил заросшие сорняками

дорожки, а на самом солнечном пригорке вскопал несколько аккуратных грядок, вознамерившись посадить зелень.

Всю неделю усадьба питалась исключительно домашней едой, и кулинарные таланты Ван Сюаня привели всех в полный восторг. Су Хэвэн не уставал благодарить небо за то, что у его младшего соученика оказались золотые руки. Иначе ему бы и дальше пришлось давиться либо пресной стряпней учителя, либо собственными жалкими кулинарными экспериментами. От одной мысли об этом у парня опускались руки.

"Какое счастье, что наставник взял именно его! — думал старший соученик с блаженной улыбкой, уплетая за обе щеки очередное блюдо. — От его стряпни можно язык проглотить"

Удивительно, но Ван Сюаню достаточно было один раз пролистать рецепты острой сычуаньской кухни, которую так любил старший брат Су, чтобы приготовить блюдо точь-в-точь как в хорошем ресторане.

Против такого таланта не поспоришь. Су Хэвэн окончательно признал превосходство своего нового младшего брата.

<http://bllate.org/book/19654/1996790>